

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

Дефиниции культуры

Выпуск IX

Издательство Томского университета
2011

ОРГАНИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ИСКУССТВОВЗНАНИИ (К СПОРАМ О МОДЕРНИЗМЕ)

А.П. Казаркин

На грани тысячелетий внимание искусствоведов приковано к двум эпохам: Серебряному веку и эпохе постмодерна – началу модернизма и его исходу на нынешний день. «Макушка века» сейчас почти ушла из поля наблюдений, возможно, так проявляется негативное отношение к модернизму. Осмысление литературных итогов XX в., различие классических и модернистских направлений в нём неизбежно выводят на проблему *аккультурации*. До конца XX в. культуры развивались органически, на почве самобытной традиции. По К. Леонтьеву и Н. Данилевскому, перспективен тот культурно-исторический тип, который развивает экономику не в ущерб религиозной и художественной традиции. Этому критерию пока отвечает Япония. Новейшая эпоха предстает как эскалация кризисов; мы стали свидетелями потрясения тысячелетних основ культуры. Модернизм, начало которого в богоискательстве, восходящем к гностицизму, и постмодернизм (радикальный отказ от религиозного миропонимания) – это завершение секуляризации культуры, не столько богоборческий бунт, сколько спазм мышления, потерявшего ориентацию. Примелькалось, и мы уже не замечаем пессимистичности принятых координат: век золотой – серебряный – железный воспринимаем как нейтральные термины, безоценочно. Разрыв с историзмом – кричащая потеря современного искусствознания.

Органический подход в гуманитаристике завершает учение Льва Гумилёва о связи культурных процессов с этногенезом, их природным субстратом. Эта концепция, пока не реализованная в искусствоведении, помогает увидеть место каждого крупного писателя «на шкале этногенеза». Выделив в судьбах народов фазы восхождения и нисхождения, Л.Н. Гумилев сделал вывод: экологическое безумие народы творят в фазе надлома и особенно в обскурации. Если этапы этнической истории отражаются в судьбе живой природы, искусствовед может понять место

видного художника (и направления) в национальном масштабе: восходящей или нисходящей фазе жизни народа соответствует пафос его сочинений. Так, Л.Н. Гумилев корректировал утопическую программу «акме», высказанную в начале XX в. его отцом: в реальности завершение надлома, когда «погибают, расцветая», но не приближение к «золотому веку». Акмеизм, или неоклассицизм, он трактует как «утешительный обман, рассеивающийся после того, как наступает последний, и на этот раз роковой, фазовый переход» [1. С. 364]. Проверкой доктрины была национальная катастрофа: революция показала беспочвенность проекта. Национально-органические культуры Гумилев-этнолог понимает как формы приспособления к природной среде. Выдвигая в центр проблему экологии культуры, органическая парадигма помогает различать биосферно позитивные и патогенные направления мысли, т.е. вносит в изучение исторического процесса момент оценки. Точные науки этого не допускают, но они имеют дело с веществом и количеством.

Гипотезе, интуитивно сформулированной К. Леонтьевым, Л. Гумилев дал научно-экологическое обоснование: важно понять, в какой исторической фазе находится государствообразующий народ. Критерии оценки явлений культуры здесь – жизнестойкость, «соприродность». Если различать культуры-долгожители и эфемериды, то вряд ли удастся оспорить положение: модернизм XX в. – проявление нисходящей стадии этногенеза европейского суперэтнуса. Разговорам об эпохах модерна и постмодерна обычно не хватает исторической проекции, привязки к фазам жизни национальной культуры. Без понятия *биосферной нормы* нельзя оценить философско-художественные течения как позитивные или антисистемные. Историософия – часть национальной картины мира, а в её основе – ощущение времени, соответствующее определённой стадии этногенеза. Здесь нет согласия традиционализма с модернизмом.

Мироощущение не может долго оставаться религиозно нейтральным, быстро переходит в негативное, которое Л. Гумилев назвал «поклонением вакууму»: «...есть концепции-вампиры, обладающие свойствами оборотней и целеустремленностью поистине дьявольской. Ни могучий интеллект, ни железная воля, ни чистая совесть людей не могут противостоять этим фантомам...». «Концепции-вампиры» ускоряют вырождение народов и ведут к затуханию культурного творчества, но национальные культуры отличаются разной степенью сопротивляемости: «То, что на родине идеи рассматривается как обратимое и несущественное отклонение от нормы, губит целые этносы, не подготовленные к сопротивлению чужим завлекательным и опьяняющим идеям» [2].

Органическая парадигма предохраняет от экспериментов над жизнью, она вновь представила мир как завершенное целое, она предохраняет от эвдемонизма, которым пропитана индустрия развлечений. Массовая культура – пир во время экологической чумы, в ней снят вопрос «о влиянии культуры (творения рук человеческих и разума) и этногенеза (феномена природы)» как несущественный. На наш взгляд, современность опровергает историософию А. Тойнби. Концепция истории как цепи вызовов привела к выводу, что в результате отбора на Земле останется один тип культуры, будто бы самый жизнестойкий, ответивший всем вызовам. Но машинная цивилизация – разрушение принципа жизнеподобия. Как убеждает Л. Гумилев, в гиперэтносах процветала философия мироотрицания (на языке А. Платонова, «школа ненависти к природе»). Но прежде народы проходили эти фазы в разное время, потому обеспокоенные территории занимали более жизнестойкие культуры. Перспектива глобального гиперэтноса исключает восстановление органической традиции. Отсюда «вопрос на засыпку» глобалистам: почему же эта закономерность минует человечество, ставшее единым гиперэтносом? Ведь все исторические гиперэтносы погружались в кровавый мрак, будь то Римская империя, Парфянское царство или Советский Союз.

Основной удар сейчас наносится по национально-органическим (завершенным) культурам мира. Если придерживаться историософии К. Леонтьева («умиранием искусства» назвал эту перспективу В. Вейдле), то особой эпохи постмодерна нет, она предстает как завершение третьей фазы развития органической культуры. После постмодерна мыслимы лишь этносы-реликты по окраине цивилизации. А некоторые русскоязычные теоретики уже поспешили выразить удовлетворение тем, что через «хаосмос» развитие русской культуры, наконец-то, синхронизируется с западной. Но если постмодернизм – «закат Запада», то после него, по логике циклизма, – «конец и вновь начало». Органический подход даёт реально-историческое наполнение таким понятиям-метафорам, как «поклонение вакууму» или «конкордат с дьяволом» (синоним военно-технического прогресса).

Авангард, в понятиях органической парадигмы, – антисистемное мировосприятие, генетически восходящее к гностицизму. Его Л. Гумилев разглядел в известном стихотворении Н. Заболоцкого «Людейников»: «Природа, обернувшись адом, дела свои вершила без затей...» Здесь, в авангардистском художественном мире, считал этнолог, «соединены взгляды гностиков, манихеев, альбигойцев, карматов, махаянистов, – короче, всех, кто считал материю злом, а мир поприщем страда-

ний» [3. С. 494]. Полемичность интерпретации вызывающая, но учёный предостерегает от релятивистского всеприятия. Финал творческого пути Заболоцкого, несомненно, подчинен модели возвращения Блудного сына (равно как и Платонова и так называемых «деревенщиков»). Это путь возврата – от модернизма к традиционализму. В лирике Заболоцкого вплоть до 50-х гг. нет ни христианского смирения, ни космоцентризма. Русская культура, ставшая советской, впитала убийственную идеологию мироотрицания, но постепенно обезвредила её и даже подняла к духовному небу. Правда, это была временная, пиррова победа.

К концу XX в. жизнестроительная функция искусства забыта, идею синтеза вытеснила идея демонтажа культуры. Если «судьба всех этносов – постепенный переход к этноландшафтному равновесию», то скорее это случится с Сибирью и русским Севером, нежели с центром России. Но с позиции глобализма рассуждение о региональном литературном процессе лишено научной ценности. В XX в. установилось единое литературно-художественное поле на гигантском материке, уникальная природно-климатическая зона повторяет художественную жизнь Запада. А *псевдоморфоз* положительно оценит только глобалистски ангажированное сознание. Аккультурация явно становится доминирующим процессом, для органической культурологии это и есть воздействие ноосферы, теряющей положительную связь с биосферой.

Итак, этнология ставит под вопрос новейшую глобалистскую утопию, жизнеспособность которой никто не доказал. А если она обернется всеохватной антисистемой? Даже представить страшно, какой декаданс, какая «чернуха» может расцвести в вождельном для многих «глобальном человеичике». Это всё та же доктрина линейного прогресса, эрзац-религия, в ней нет экологической осторожности. Она хочет разрешить глобальный кризис путем усиления его источника – стандартизации, единообразия. Такова гностическая утопия в её завершении, самосознание начавшейся фазы обскурации западноевропейского суперэтнуса. Эволюция уже не понимается как вариация исходного жизненного материала. Если грань XIX–XX вв. считали переходом от классики к модерну, то грань тысячелетий – от культуры к посткультуре (тектуре). Этот жизненный тонус сформирован мегаполисами, антагонистами природы. Но нельзя же думать, что экологический кризис сам собой исчезнет на тех же путях, которые к нему привели. Если современная машинная цивилизация в глубоком кризисе, то вряд ли человеческое единство сложится до катастрофы, но вряд ли и после нее. Из котлована, в который шествует человечество, остатки этносов, воз-

можно, будут выбираться каждый наособицу, вспоминая традиции аборигенов (угров, самодийцев, кетов).

Ещё М. Хайдеггер оценил тупиковость эпохи: «...сегодняшний человек спасается бегством от мышления» [4]. Постмодернизм, реализующий глобалистскую утопию атомизации общества, близок к «нулевому» историческому самосознанию. В понятиях, предложенных Л. Гумилевым, это мироощущение субпассионариев, перенаселивших большие города, здесь невозможны волевое самоутверждение, героический пафос. Близок к этому пониманию Н. Бердяев: «Культура в эпоху цивилизации всегда романтична, всегда обращена к былым религиозно-органическим эпохам» [5. С. 168]. То есть – к окраинам, органическая культура живет сейчас в провинции. Проза традиционалистов, национально-органическая, оттеснена на периферию литературной арены, любители её выглядят провинциалами-чудаками, да и вообще русский человек оценивается как маргинал: у себя на родине он превратился в «постороннего». Единственно актуальный вопрос сейчас: есть ли у русских воля к этнокультурной регенерации. Заметим: модернистского сознания нет на Востоке, даже для России оно было поздним заимствованием. В ней это литература Центра, в провинции (в Сибири, например) она явно вторична, подражательна. Поэтому регионализм и глобализм в настоящее время воспринимаются как полярные тенденции в культуре, конкурирующие ценностные системы.

Поиск национальной идентичности – это воспоминание об акматической фазе жизни народа. Модель сброса наследия никак не может стать основой нового историзма. Доминирующие сейчас установки – релятивизм, стилевая эклектика, не признающая завершенных созданий, и отрицание смысла (целостности) истории, преемственности. Целое (символ веры) предшествует частям и не сводимо к их сумме – так и в живой природе. И в том, что органическое понимание культуры, основанное на биологической аналогии, оттеснено, здравый взгляд видит бедствие. Здесь обязательна системность – иерархия уровней, подчинение метасистеме (биосфере и космосу). Если связь стала отрицательной, это значит – культура стремительно теряет эластичность, свойство органической системы.

Вопрос, кто же истинные классики XX в., остается открытым, так как в число классических явлений записаны, по преимуществу, мироотрицающие художественные системы. Удивляет негативная оценка, данная этнологом «золотому» XIX в.: «Надлом шел весь XIX век, и все ниже и ниже, и 30-е годы XX века – это низшая точка надлома». Если это так, то мы принимали аккультурацию, продолжавшуюся полтора века,

за процветание и подъём русской культуры. Иначе как же мы объясним наступление национальной катастрофы, которой завершился так называемый Серебряный век? Исток абсурдистской историософии – чувство фрустрации, история кажется тотальной неудачей. Вместе с тем отрицаются и вечный замысел, и благоговение перед жизнью. Пренебрежение органикой культуры – это обратная сторона доктрины линейного прогресса. И по логике антитезы пробуждается интерес к традиционным жизненным нормам, отход от авангардистских установок. Таков финал XX в.: культура (текст в том числе) понимается как механизм, а монтажно-механистическое миропонимание не терпит завершенности. Взгляд на культуру как на живой организм, в котором целое (символ веры) рождается раньше частей, кажется простецким, недостаточно сложным. (Отвлечёмся здесь от критики теории пассионарности, которую считают самым уязвимым местом учения Л. Гумилёва: её надо уточнять, а не отбрасывать. Органическое миропонимание допускает участие жёсткого излучения вселенной в процессах видообразования).

Кризис механистической мысли актуализирует идеи циклической историософии – К. Леонтьева, Н. Данилевского, О. Шпенглера и евразийцев. Надо понять место органической доктрины среди важнейших идей. Совершенство научной концепции – в широте охвата материала и глубине его понимания. Когда теория иерархически связывает далёкие явления, она восстанавливает единую картину мира. Интересно общеметодологическое положение, высказанное Гумилевым: «...различие между гуманитарными и естественными науками не принципиально, а скорее, стадияльно». Это не выпад против философской герменевтики, его концепция связала природные и социальные законы *иерархически*: конкретная культура – равновесие природно-ландшафтных и социально-исторических факторов. В привычных координатах научного эволюционизма вывод этнолога выглядит прямо-таки «реакционным»: «как бы ни относиться к идее существования ноосферы, полярность техники и жизни как таковой неоспорима». Многие уже приняли вытеснение биосферы механистической ноосферой за смысл исторического процесса. А те, что ужаснулись, стали постмодернистами. Концепт «модернизм», при всех многочисленных вариациях, содержит в себе удовлетворение современностью: иного, мол, быть не могло. Этногенез, хотя и кажется локальным процессом, воплощает космическую закономерность: все суперэтнические образования одинаково подвержены закону энтропии – растраты энергии и культурные новации в них постепенно исчезают, достигается полное равновесие с кормящей тайгой, тундрой или полупустыней. Народы Евразии жили в равновесии с природой, в

отличие от «прогрессивного» Запада. Важнейшее в органическом миропонимании – отрицание одностороннего рационализма и его порождения – доктрины линейного прогресса.

Литература

1. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1994.
2. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. М., 1993.
3. *Гумилев Л.Н.* Этносфера: История людей и история природы. М., 1993.
4. *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге: Избр. статьи последнего периода. М., 1991.
5. *Бердяев Н.* Смысл истории. М., 1990.